



# ТАИТИ

Таня Родина

Таня Родина

**Таити**

«Издательские решения»

2015

## **Родина Т.**

Таити / Т. Родина — «Издательские решения», 2015

Таити – это четвертый роман Тани Родиной. Таити – это алкоголь, беспробудные путешествия, тяжёлая мужская дружба и непредсказуемые события сюжетной линии. Отлично читается с бокалом вина в руке.

© Родина Т., 2015

© Издательские решения, 2015

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

# Таити

## Таня Родина

*To you, my double S.*

© Таня Родина, 2015

© Дронова Люба, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

## Глава 1

Слишком много спонтанного алкоголя. Слишком много дорогой, но уже такой неинтересной, абсолютной бессмысленной пищи. Накопилось слишком много любимой музыки, свободного времени, бессонных ночей и глупых чувств в сердце. Каждый день, с самого его начала, начинает быть похожим на предыдущий и не важно, проведешь ли ты его на этом континенте, на каком-то другом или в самолете между ними двумя. Менять декорации становится значительно проще, чем задумываться над тем, что скрывается за ними.

Сначала я хотел пить только по выходным. Хотя, наверное, правильно было бы сказать, что сначала я не хотел пить вообще. Помню, когда мне было 16 лет, наверное, самый глупый возраст в человеческой жизни, и в то самое глупое время я поставил себе невероятную, поражающую своими масштабами цель – выпить бутылку водки меньше, чем за час. Практически залпом. Один. Я выбрал особенный вечер, чтобы придти домой к другу и спокойно там напиться. Такое решение я принял за неделю до этого вечера и все последующие дни то радостно, то нервно обмусоливал эту мысль у себя в голове. Вот я стою и чищу зубы и думаю о том, что через 5 дней я напьюсь. А вот я сижу на уроке физики в школе и бессмысленно тарашусь на школьную доску, где происходит какое-то необъяснимое действие, и размышляю о том, какова на вкус водка и что со мной будет после первого стакана. В первые 16 лет я не пробовал никакой алкоголь. Почему? Ну, а почему люди вообще начинают пить, просто так получается, складывается так. Вот и со мной получилось, а, точнее, до 16 лет не получалось, а потом вдруг получилось так, что на всю жизнь. Тогда моё сердце разбили, и я сразу же подумал, что нужно как-то выйти из этого дурацкого положения. Кино, музыка и книги наставили на вполне очевидный путь – добавить побольше алкоголя в кровь. Я всегда был крайне организован и любил планировать все заранее, даже когда мне было 16, и потому запланировал водку именно на вечер субботы, заранее удостоверившись, что родители ровесника-друга будут где-то далеко за пределами квартиры.

Самое начало лета, когда все кругом уже зеленое, но какое-то не определившееся: вроде бы и тепло, но по ночам идет навязчивый, холодящий открытую кожу, дождь. Вот я вышел из родительского дома, предварительно поев горячего супа, который приготовила мать. Тогда я чувствовал себя крайне уверенно. Решительная походка, чуть дрожащие руки. Шагая к другу домой, даже не закурил почему-то. Да и вообще в ту минуту я был абсолютно девственен и чист. Единственное, что, пожалуй, отличало меня от обычного человека – это глубоко поломанное сердце. Это сейчас мне уже кажется, что в то время я воспринял несколько неудачных романов с чрезвычайной долей драмы, но в тот момент, когда мне было 16, я был уверен, что в жизни не было человека несчастнее меня. Я хорошо учился, был отзывчив и вполне себе мил, много читал и даже иногда сам пописывал кривоватую прозу. Моя одежда, моя прическа, мои взгляды на жизнь – все в тот день, до того момента как я впервые попробовал водку, были удивительно нейтральными. Единственное, что меня отличало от остальных подростков – это кровоточащее сердце, неровные алые подтеки которого, как мне казалось, оставляли не слишком опрятные следы на свежeweглаженных рубашках. Да, в какой-то момент после неудачной влюбленности я поймал это чёткое ощущение, что вместо летнего юношеского пота из меня начала сочиться моя девственная кровь. Раздавленное сердце походило на зубчик чеснока, который, перед тем как его мелко порезать для свежего салата, моя мать каждый раз с невиданной силой прижимала к разделочной доске своим толстым кухонным ножом. Это натужное движение, нажатие ножа на беззащитную дольку чеснока, и то, как уже через несколько секунд этот чеснок каждый раз слабо хлюпал и разваливался на части, ужасно напоминало мне то, что

случилось с моим сердцем месяцем раньше. Я честно пытался погрузиться во всё, что угодно, но только не в свои душевные самокопания, искал спасение в неочевидных романах, пытался отвлечься долгими прогулками по шипящему городу, начал было зазубривать, на мой взгляд, абсолютно бессмысленные пассажи из школьных учебников, часами оставался за пределами родительской квартиры, ища спасение в шумных прохожих, пробегающих машинах, шелестящих деревьях и торопящемся солнце, но все это не помогало скрыться от самого себя и моих бесчеловечных страданий. Однажды мне просто надоело. Надоело так бестолково есть, так бессмысленно разговаривать, так плохо спать и очень захотелось просто стереть из памяти события прошлого года, полностью очистить себя и свою отравленную кровяную систему от гадкого чувства разрыва, от этого щемящего чувства потери, от этого гадостного ощущения пустоты и тошноты внутри и снаружи. Перепробовав все, что только мог, я, наконец, понял, что если мне сейчас не поможет алкоголь, то, наверное, уже вообще ничего не поможет.

Водку я купил заранее. Попросил знакомого дедушку из нашего подъезда купить мне бутылку, доверившись его экспертизе. Взял с собой из дома четыре яблока. Не знаю, зачем я вдруг решил взять с собой еще и яблоки, но мне почему-то казалось, что это может быть неплохой идеей.

– А эта точно нормальная?

– Ну конечно нормальная.

– Ну, бери тогда, – шепчу я на ухо старшему товарищу перед прилавком.

Продавщица недовольно посматривает в нашу сторону, но сказать ей, видимо, нечего. В этом магазине вообще не так часто встретишь покупателей, так что костлявая женщина за кассой просто не могла позволить себе начать воротить нос от нас, двух подозрительных людей с такой же подозрительной разницей в возрасте, покупающих водку и достаточно громко при этом советующихся. Прощаясь с дедом, я быстро, наверное, даже слишком быстро пожал ему руку, забрал пакет внутри которого была водка, и был таков.

Жёлтый свет от садящегося июньского солнца облепил всё вокруг. В эту минуту мой город, где я жил и родился, казался мне намного более красивым, чем был на самом деле. Я даже успел удивиться. Последние месяцы я перестал замечать то, что происходило вокруг меня. Красота природы, картин в галереях и даже лицо бывшей возлюбленной, совсем перестали меня интересовать. Любое проявление красоты вокруг вызывало тошнотворные схватки где-то в районе груди. Я уже успел научить себя новой привычке – лишний раз не смотреть по сторонам, чтобы вдруг ненароком не увидеть что-нибудь красивое, но в этот вечер, когда я был абсолютно уверен, что спасение было столь удивительно близко, я почувствовал себя почти освобожденным и, подняв голову, замерев на несколько секунд, начал удивлённо оборачиваться по сторонам – в мире стало гораздо больше красок, чем месяц назад. Всё расцвело и зазеленело, не став ждать, пока я опомнюсь от своей личной трагедии.

Не знаю, то ли я нёс водку в пакете, то ли она сама вела меня домой к другу. И я не спеша шёл через разросшийся парк, упиваясь последними, как надеялся, минутами этого тошнотворного горя, с которым жил последние недели. Зная, что скоро этот беспросветный ад закончится, я мог себе это позволить. Шелест пакета, мои мягкие волосы, которые то и дело разлетались во все стороны, жёсткий ворот наглаженной рубашки, тяжесть в ногах и лёгкость между бровями – я был готов влить в свой организм литр, или сколько там было, этой живительной по рассказам многих жидкости, чтобы раз и навсегда закрыть, перечеркнуть, забыть всё то, что со мной случилось раньше. Само собой я надеялся, что моё сердце правильно воспримет этот жест и склеет себя само, без моего дальнейшего участия.

– Молодой человек! У вас рубашка испачкалась.

Голос, мысль-молния в голове, ответ. Будучи абсолютно уверенным, что виной произошедшему стало моё кровоточащее сердце, я сразу же опустил голову к левой стороне своего тела. Я не ожидал увидеть на своей рубашке ничего, кроме бордово-алого подтёка, но к моему удивлению с выглаженного полотна рубашки на меня смотрела ярко-зелёная клякса. Брови нахмурились, рука сама собой потянулась к пятну.

– Ничего страшного, – буркнул я, не глядя в сторону чуть визгливого голоса девушки.

Я сразу же понял, что это была зелёнка. Днём ранее я положил её в нагрудный карман рубашки, выходя из аптеки, где её и приобрел, чтобы замочить случайно порезанный палец. Свой палец я этой зелёнкой так и не намочил, зато успешно провернул этот трюк с рубашкой. Идти в таком виде не то, что к другу, а вообще по городу, как-то не очень хотелось. Теперь, вместо совершенно обычного, невероятно средне статического и ничем непримечательного молодого человека, каждый прохожий мог лицезреть странноватого подростка с зелёным пламенем на рубашке, которое с каждой секундой разгоралось всё ярче. Сообразив, что пришло время распрощаться с бутылком зелёнки раз и навсегда, я с неохотой засунул пальцы в карман и рывком отшвырнул содержимое в сторону. Теперь зелёными стали и пальцы. Но, конечно же, недавно порезанного пальца это не коснулось. Наверняка, вид мой в эту минуту был настолько сконфуженный, что чуть визгливый голос снова осторожно вторгся в моё сознание.

– У меня есть салфетка.

Я, наконец, направил голову в сторону салфетки и увидел перед собой её обладательницу, девушку, которая сидела на скамейке с книгой, раскрытой на голых коленях. Девушка не то, чтобы улыбалась, но что-то в ней давало мне понять, что, на самом деле, она улыбается. То ли это был мягкий разрез глаз, то ли лёгкое движение ресниц, а, может, складки на юбке или нежная линия голеней. Нет, она мне не сильно понравилась. Но всё-таки я решил подойти и взять обещанную салфетку.

– Даже не знаю, как это вообще получилось, – пространно начал я.

– Так бывает, – девушка потянулась пальцами в нутро слишком большой сумки, лежащей рядом, и проворно достала салфетку,

– Но это не страшно.

Вместо того, чтобы просто дать салфетку, она осторожно встала, поднесла салфетку к пятну и аккуратно промокнула его шершавой поверхностью белой салфетки. Зеленое сразу же напало на белое и в неравной битве, белое потерпело поражение. Прикосновение её руки чувствовалось чрезвычайно остро. Влажная материя рубашки, тонкая материя салфетки и даже моя кожа, легко пропускали тепло её рук куда-то глубоко, внутри сразу же стало горячо и влажно. Я оторопел от неожиданного и столь приятного физического контакта и просто продолжал смотреть на неё, вывалив свои глаза.

Она же просто занималась своим делом. За первой салфеткой последовала вторая. После этого – третья. Пятно на рубашке, конечно же, никуда не исчезло, но ощущение влажности на теле ушло. Я начал забывать о своём мокром, разбитом сердце, и просто тарачился на незнакомку перед собой, которая вдруг стала чуть красивее, чем пять минут назад.

– Ты торопишься? – спросила она.

– Нет.

Конечно же, прежняя договорённость с другом по поводу совместного времяпрепровождения этим вечером, как и нефритовое пятно в половину моей рубашки, волновали меня в данную минуту меньше всего. Единственное, что соединяло меня с реальностью – это наивно цветной пакет с яблоками и водкой в руке. Я решил начать с яблок.

– Хочешь яблоко? – спросил я, протянув красное яблоко своими зелёными пальцами.

– Спасибо, – ответила она и положила его рядом с собой.

В момент этой легкой паузы я вдруг понял, что мы почему-то ведём себя друг с другом чрезвычайно серьёзно. Терять мне было совершенно нечего, поэтому я достал бутылку и непринужденно анонсировал:

– Мне нужно это выпить.

Она удивленно посмотрела на меня и на бутылку, но, стараясь выглядеть также непринужденно, ответила:

– Я могу помочь.

Вечер принимал совершенно неожиданный оборот. Я лёгким движением открыл бутылку, взял во вторую руку яблоко и отведал и того, и другого понемногу. Самое первое впечатление в жизни от водки оказалось самым сильным. Жидкость была гадковатой, но от неё моментально становилось тепло во рту, а яблоко было сочным и сладким. Смешав одно с другим, я вопросительно посмотрел на мою новую подругу, не зная, что именно ей стоит предложить для начала. Девушка достала новое яблоко и сделала глоток из бутылки, выпивая значительно больше меня. Я промолчал. Вообще, говорить не сильно хотелось, а, тем более, о таких банальностях, как её имя, моё имя, погода сегодня, погода завтра, школа, любимый урок, любимый цвет, любимая книга, любимый напиток... Я сделал ещё один глоток из бутылки, стараясь не отставать. Водка залилась глубоко в голову, минуя желудок. В голове стало непривычно ватно. Я посмотрел на незнакомку, на эту вполне себе очаровательную незнакомку, и, наконец, улыбнулся.

Меня зовут Катя. У меня не оставалось выбора, я назвал своё имя. Катя задумчиво посмотрела на мою рубашку и поприветствовала меня новым глотком водки. Я честно ещё не знал, как нужно правильно пить алкоголь. Какие выдерживать паузы? Принято ли говорить о чём-то особенном, выпивая? Нужно ли есть, запивать или можно отбросить как одно, так и другое? Галантно ли это – пить прямо из бутылки или лучше это делать из особого бокала, стопки, стакана? Но, на самом деле, все эти вопросы не имели сейчас никакого значения. Катя откусила яблоко и начала говорить сама:

– Я должна была встретиться здесь кое с кем, но он не пришел. Опоздал на 40 минут. Домой идти не хочется. Уж лучше так, – чуть устало сказала она, легко указав головой на бутылку.

– Я тоже шёл к другу, – язык после водки стал слишком шёроховатым и большим и как-то неохотно шевелился, – Но пока не дошёл.

Мне вдруг захотелось искрометно шутить, но ни одна шутка так сразу не клеилась. Хотел было вспомнить анекдот, но и его не оказалось в памяти. Так мы и сидели несколько минут, молча попивая водку, уютно укутанную в пакет, и иногда откусывая яблоки. Зелёнка на рубашке обсохла, оставив после себя тёмное пятно, которое, вероятно, меня уже не покинет.

Мы сидели словно в театре. То ли после алкоголя, то ли это моё разбушевавшееся воображение, но мне вдруг начало казаться, что все прохожие, машины вдалеке, проплывающие вечерние облака и даже мелкие мошки и мушки, словно все были частью какого-то неведанного действия, а мы с Катей были только зрителями. Словно весь этот мир воссоздали только для нас, на те пару часов, что идёт представление, и как только оно закончится и мы выйдем из зала, все эти декорации разберут; актеры разойдутся по домам, облака руками отклеят с неба и положат в подсобку, деревья возьмут в обнимку сильные мужские руки и матерясь оттащат в кладовку. После этой мысли я громко, наверное, слишком громко вдохнул и выдохнул, Катя вопросительно посмотрела на меня и сказала невпопад:

– Мне нужно идти.

– Куда? – бесцеремонно спросил я.

– Домой.

– Зачем? – я посмотрел на бутылку водки, мы выпили только треть, но смелости во мне явно прибавилось.

- Родители ждут.
- А меня не ждут. Я им сказал, что остаюсь у друга с ночёвкой.
- Значит, друг ждёт?
- Может, и ждёт.

После нового глотка водки, я зачем-то положил ей руку на коленку. Ладно, если бы она была в брюках или в чём-то таком, но я положил ей руку на голую коленку. Тепло её кожи мгновенно обожгло меня до кости, я хотел было отдернуть ладонь и спрятать её куда подальше и примерно навсегда, но мой затуманенный разум дал мне понять, что так будет только хуже. С невозмутимым видом мы продолжили сидеть с моей рукой на её коленке. Катя смотрела на мою руку. Я смотрел куда-то вдаль. Через несколько секунд я почувствовал странный скачок в горле, и поспешно закусил его яблоком и запил водкой. Показалось, что стало легче.

Ещё через несколько минут, когда сидеть просто так стало решительно невозможно, я посмотрел ей прямо в глаза. Катя была не такой красивой, как та, в которую я был до смерти влюблён уже в прошлом. Единственное, что мне нравилось в её лице – это абсолютная симметрия. Я с детства увлекался черчением и геометрией и именно в её лице сейчас нашел неизученное правило, нерешённую задачку, недоказанную теорему. Идеальные окружности зрачков вступали в диалог с полукругами бровей, тонкая линия носа разбивала аккуратные губы на ровные доли, траектория каждой ресницы была отточена и идеальна и стремилась ввысь. Вот таких вот взаимодействий было в её лице невиданное количество и я только начинал свой путь. Я становился ближе к разгадке с каждым глотком. Наверное, мой столь продолжительный взгляд показался Кате странным или же, наоборот, заинтересовал, она блеснула мокрыми зрачками и задумчиво сказала:

- Что-то я уже пьяная. Домой сейчас лучше не идти.
- А пойдём к моему другу в гости.
- Ну, пойдём.

Я был уверен, что она не согласится, поэтому после того, как она сказала «да», я удивленно вздёрнул свои юношеские, отчаянные брови и сосредоточенно, из последних сил, посмотрел на неё и спросил что-то глупое:

- Не боишься?
- А вот и не боюсь.

Она сделала ещё один глоток, как бы показательно смелый, и я увидел, что за последние полчаса мы выпили половину бутылки. До этого самого момента, я был уверен, что всё не так уж плохо. Ну, и вообще, если бы я захотел сосредоточиться (ну вот если бы я очень захотел), я бы смог вполне сойти и за трезвого. В этом я был почему-то страшно уверен. Однако все изменилось, когда я встал на ноги. Тёплый летний асфальт тут же загулял под ногами, кроны деревьев без всякого предупреждения вдруг стали набрасываться откуда-то сверху, скамейка вообще оказалась на другом континенте. Я покачнулся, но устоял. Рядом со мной уже стояла Катя. Выглядела она немного увереннее. Во всяком случае, она держалась на ногах и не падала. В голове был туман или что это было? Катя не стала ждать помощи и самостоятельно собрала наши вещи со скамейки. Её руки осторожно взяли пакет с водкой и оставшимися яблоками, моя рука сама по себе беспомощно взяла её локоть или плечо, что-то тёплое и мягкое.

Улицы были смазанными и неровными, я помню, как выпалил адрес друга (и как я его вообще тогда вспомнил?), как мы переходили шумную дорогу. Катя отважно тащила меня на зелёный. Вот мы уже в троллейбусе и я швыряюсь в кондуктора мелочью, слышу голос Кати рядом, но не понимаю, что она говорит. Мы поспешно ретируемся, я ору что-то этой медленно удаляющейся гусенице, Катя не отпускает мою руку, я хочу удостовериться, что мою руку держит именно она, заглядываю ей в лицо и вижу всё тот же геометрически идеальный порядок, но уже через секунду черты лица куда-то разбегаются – отваливается нос, перемешиваются

между собой ресницы и губы, волосы сметают за собой остатки лица, оставляя после себя идеально ровную поверхность... Меня стошнило куда-то в зеленый куст. После нескольких минут этого спонтанного действия, я тяжело поднял голову и огляделся. Удивительно, но Катя всё еще была рядом. Черты её лица сложились обратно в прежнюю светлую картинку. Я почувствовал, что неплохо было бы умыться, но вдруг понял, что почему-то стою уже наполовину мокрый. Помотал головой из стороны в сторону, огляделся, посмотрел на зелёное пятно на рубашке, которое никуда не делось, и только сейчас понял, что уже давно идет дождь. Точно, дождь. Мне сразу стало понятно, почему у Кати волосы уже были мокрыми и почему кроме тошноты я чувствовал прохладный озноб и мокрую кожу на шее. Нелепо помыв руки в ближайшей луже, я быстро взял её ладонь и потащил домой к другу. Показалось, что выплеснув лишнее, я стал заметно более трезвым. Дома рядом обрели свои очертания, движения ног, словно по команде, выровнялись. Во рту всё ещё был неприятный привкус тошноты, поэтому я то и дело доставал изо рта язык и обмакивал его в капающий с неба дождь. Я снова чувствовал треугольную руку Кати и в один момент решительно нарушил молчание, которое, как мне казалось, длилось слишком долго:

– Почти пришли.

Катя не ответила, но я точно знал, что сказал это достаточно громко. Прошмыгивающие мимо нас люди, как всегда торопящиеся в свои подъезды, не обращали на нас никакого внимания. Все они бежали куда-то под своими тёмными зонтами, а у нас с Катей в руках был только один пакет, который мы негласно использовали по прямому назначению – прятали водку с яблоками.

Ещё через пару минут нашего лавирования между лужами и чьими-то зонтами, я наконец увидел тот самый, нужный нам дом, одним лихим прыжком позвонил в домофон, выпалил своё имя, раздался щелчок, мы внутри, лифт и моё всё ещё пьяное отражение в зеркале и непривычно хорошо освещённое лицо Кати, нужная нам дверь и торчащая из неё голова моего друга. Кажется, мы и правда на месте.

## Глава 2

– Это Ник, а это – Катя, – меньше всего в ту секунду я хотел быть не только пьяным, но и невежливым.

Ник явно не ожидал в этот вечер увидеть меня с девушкой, пьяным и мокрым с головы до ног, но мы знали друг друга уже не первый год. Он не сильно удивился.

– Ого, какие вы мокрые. А зонта что ли не было?

– Нет, зато у нас есть подарок, – моментально отреагировала Катя, и протянула пакет, который в эту минуту приобрёл крайне торжественный вид.

Ник заглянул своим длинным носом внутрь пакета и довольно расхохотался.

– Ну ладно, проходите. Только вытирайте ноги. И ещё с вас капает.

Из зеркала в коридоре на меня пялился юноша среднего роста в грязной и мокрой рубашке, с несвежим лицом и расхлябанной причёской. Выглядел я, прямо скажем, неважно. В куске зеркала я мельком увидел Катю, которая снимала свои летние туфли и механическим движением поправляла волосы. Капли с волос хаотично стекали на пол, но Катя не обращала на это внимания. Было заметно, что она тоже пьяна, но старается держаться изо всех сил. У неё это получалось значительно лучше, чем у меня.

– Как ты?

– Нормально. Я – нормально, – быстро ответила она, и уже на большей громкости обратилась к Нику,

– Где можно помыть руки?

Я ответил за Ника, махнув рукой в сторону. Катя тут же удалилась, плотно захлопнув за собой дверь, и я услышал знакомые звуки, которые сам без всякого удовольствия только что воспроизводил на улице.

– Это когда вы это так? И кто это вообще? – вторую часть своего вопроса Ник многозначительно прошептал, кивая в сторону туалета.

Как объяснить то, что случилось со мной за последние несколько часов, я не знал. И как, правда? Если пересказать то, как есть всё на самом деле, даже мой друг мог бы засомневаться в правдивости этой подозрительной истории. Я уклончиво мотнул головой и сказал:

– Водка какая-то не очень. Как-то странно себя чувствую. А Катя мне нравится.

– Славно, славно. А ты ел что-нибудь? Закусывал чем?

– Яблоками заедал.

– Ну, даёшь. Мой отец яблоками не заедает. Картошкой жареной нужно закусывать.

Я обречённо развёл руками и слегка скривил губы, как бы выражая этим свою неопытность.

Легонько притопнула дверь, Катя вышла из ванной комнаты. Несколько быстрых всплесков воды, шорох полотенца и перед нами снова была Катя, заметно посвежевшая, но с ещё влажными, алыми глазами. Не было заметно, что Катя как-то стеснялась или чувствовала себя неловко в компании по сути двух незнакомых молодых людей. Она присела в кресло и устало вытянула ноги. Мы молча смотрели на её голые колени, голые икры и голые щиколотки. Секундой позже я глазами скользнул по влажной от дождя футболке, которая облегла полную грудь. Я заставил себя оторвать глаза от Кати и перевести их куда-нибудь подальше. Мне попался Ник. Как всегда немного неряшливый вид друга детства меня чуть отрезвил и я, стараясь придать своему голосу расслабленное звучание, всё-таки слишком громко сказал:

– Ну что, выпьем? Да, пойдёмте на кухню. Поесть тоже нужно.

– А сок есть?

– Компот есть. Сливовый.

– Ну, пойдём.

Алкоголь всё ещё слишком непривычно ощущался в теле. Я, то на секунду куда-то пропадал, убегая от реальности, разговоров вокруг и даже своих мыслей, то стремительно врывался снова и начинал вести диалог, до конца не улавливая нить разговора. Уже через несколько минут я опять выпадал из реальности, чтобы начать обдумывать то, что казалось мне важным. Вот и сейчас, я поймал себя на мысли, что мы, трое подростков шестнадцати лет, (я почему-то автоматически записал Катю в нашу банду шестнадцатилетних), так изящно смешиваем наше, ещё местами совсем детское, поведение, с действиями, которые мы так уверенно копируем с взрослых. С наших собственных родителей, с киноперсонажей, случайных прохожих, нервно зажигающих сигареты в подъездах, спонтанных девушек, покупающих дрожащими руками цветные бутылки вина в магазинах, с красивых и не очень красивых знакомых и не слишком знакомых людей. Мы втроём, никогда не обсуждавшие этого раньше и вряд ли планирующие сделать это в будущем, негласно следовали уже созданным шаблонам. Наши, ещё совершенно детские, поступки и слова, граничили с этой картинной взрослостью, которую мы подсмотрели у людей, старше нас на двадцать или тридцать лет. Наверное, так люди и взрослеют, так тогда взрослели и мы.

– Есть картошка с грибами, огурцы, помидоры, сметана, что-то в кастрюле... Компот и кетчуп, – огласил весь список Ник, высовывая голову из прохладного нутра холодильника.

– Давайте я разогрею картошку, – сказала Катя.

– Давай, – пожал плечами Ник.

Катя прошелестела мимо меня своей юбкой. Кажется, я начинал трезветь, но как-то крайне неприятно. В горле появилась гадкая сухость, в голове – странное жужжание, руки стали слишком горячими. Я отчаянно запил эти неожиданные симптомы ледяным компотом из холодильника. В рот попала небольшая слива и я от удивления проглотил её вместе с косточкой.

– Я пока разолью водку.

Ник был трезв и полон оптимизма. Я, устало развалившись на кухонном стуле, даже завидовал его пока таким резвым движениям и горящим глазам. Да и голова его снаружи выглядела так, словно никогда не болела так, как болела сейчас у меня.

Кажется, дождь за окном закончился, и всё, что от него осталось – это влажные звуки асфальта и мокрые всхлипывания проезжающих машин. Из открытой форточки манило свежим кислородом. Я интуитивно начал глубоко вдыхать, мне казалось, что именно так я смогу избавиться от резкой головной боли. Через несколько целебных вздохов, я вдруг понял, что дышу уже чем-то другим – и правда, на кухне запахло румяной картошкой, грибами, чесноком. Без всякого предупреждения тут же мой желудок начал требовать горячей пищи. На столе появилась водка в толстых рюмках, тарелки, приборы. Катя привычно суетилась на кухне, вот только ее кухонная суета была больше похожа на какой-то танец, значения произвольных движений которого было невозможно разгадать. Я одобряюще кивнул головой и встретился взглядом с проплывающими мимо меня малосольными огурцами.

– Есть хочется страшно, – растягивая слова, довольно сказал Ник.

– А выпить? – неуверенно добавил я.

– И выпить, – ответил Ник.

– У меня почти всё готово. Сейчас буду накладывать, – отозвалась Катя и правда взяла мою тарелку, почему-то первой, и через несколько секунд вернула мне её же, но уже с ароматной, дымящейся массой.

– Можно телевизор включить, – по-хозяйски сказал Ник.

– Нет, давайте уж без него. Включи лучше музыку.

Ник ушел в другую комнату, чтобы добавить этому вечеру немного звуков радио, а я охотно растворил свои зрачки в Кате.

– Я пытался тебя поцеловать? – неуклюже спросил я, хотя прекрасно знал ответ на этот вопрос, но ещё не очень понимал, зачем я его вообще задал.

Катя молча обернулась с тарелкой картошки в руках и быстро посмотрела на меня. Я продолжал стремительно трезветь и её тело, её голова, её нос становились с каждым мгновением всё чётче, милее и приятнее. Не отвечая на мой вопрос, она подошла к столу, аккуратно поставила тарелку на то место, куда она сама сядет через пару минут, нагнулась ко мне так низко, что от нее сразу запахло лесом, и тут она меня поцеловала. В губы. Это столь неожиданно нежное прикосновение губ окончательно меня отрезвило. Эта минута, подмоченная поцелуем, прошла словно под гипнозом, я до конца не понимал что делаю и зачем, но чувствовал всё крайне остро, по-настоящему. Она оторвалась от меня ровно за секунду до того, как раздалось радостное звучание радио в другой комнате, и на кухню победоносно вернулся Ник.

– О, а всё уже на столе. Давайте есть.

Я все еще был где-то далеко в нашем с Катей лесу. Я видел высокие деревья с зелеными стволами и зелеными кронами, я чувствовал запах мокрых листьев и слышал водопад, и ноги сами собой вели меня куда-то вперед. В этом поцелуе сочеталось так много, а, может, в нём не было совершенно ничего? Чувствовать на губах горячую еду после тёплых губ Кати было странно. Я осторожно подносил ко рту вилку с комбинацией из наколотой картошки, грибов и лука, и широко открывал рот, отправляя это в себя поглубже. Этот трюк я проделывал раз за разом, аккуратно, при этом, загибая внутрь губы, чтобы сохранить вкус Катиных губ и не смешивать его с какой-то там картошкой. То, как я ел, никого не беспокоило. Катя сосредоточенно смотрела в свою тарелку, Ник самоотверженно создавал иллюзию дружеской беседы.

– Ну, дёрнем, – по-взрослому произнёс Ник, поднимая двумя пальцами толстую рюмку.

Меньше всего в этот момент мне хотелось запускать в себя эту противную водку, которая разжижает мозг, путает мысли, кривит губы и заставляет тошнить. Ник посмотрел на меня и предусмотрительно сказал:

– Это – родительская. Вашу я пить не буду и вам не советую.

Мы с Катей переглянулись и одним движением опустошили наши рюмки. И, правда, вкус был совсем другой. Во-первых, в этот раз водка была ледяной. При первом касании она мягко кольнула язык и легко проскользнула куда-то внутрь. Во-вторых, после горячей пищи, глотать её было проще. В-третьих, я чувствовал на себе взгляд Кати и, конечно же, изо всех сил старался держать марку и не упасть в грязь лицом.

– Между первой и второй, перерывчика нет вообще! – Ник выглядел очень довольным.

Леденящая пальцы рюмка, свежесть малосолевого огурца, какая-то случайная музыка по радио. Примерно с этого момента всё снова закружилось на одной цветной карусели. Уже через полчаса мы отставили пустую бутылку в сторону.

Сначала мне показалось, что ничего не поменялось. Наоборот, я словно приобрёл утраченную ясность и всё, наконец, встало на свои места. Мне так казалось ровно до того момента, как я поднялся со своего места. Катя, Ник, да и я тоже, мы вдруг стали такими весёлыми и отчаянными, когда это успело случиться? Всё, что происходило дальше, я словно наблюдал со стороны, не являясь участником происходящего. Вот мы, громко разговаривая, вышли из кухни. Мы идём, изредка спотыкаясь друг об друга, в другую комнату, где играет музыка. Вот Ник делает её погромче и мы начинаем танцевать, улыбки прыгают на наших лицах. Через пару минут Ник лихо запрыгивает на диван с телефоном в руке и, слегка хмурясь, видимо собраться получалось не так просто, набирает чей-то номер. Гудки, молчание, вот он уже самозабвенно кричит что-то в трубку, приплясывая на диване. Диван хрустит и хлюпает. Мне одновременно интересно и не очень интересно, с кем и о чём он сейчас разговаривает, я удивив-

тельно плавно, ещё не в слишком хорошо знакомой мне параллельной реальности, перевожу лицо на Катю. Она молча танцует с закрытыми глазами. Музыка с этого момента стремительно набирает обороты, моя рука удивительно смело обвивает талию Кати, я чувствую внутренней стороной локтя ее несколько резких рёбер. Катя мне кажется эфемерной иллюзией – я ничего не знаю о ней, она ничего не знает обо мне. Она не знает, что моё сердце раздавлено и до сих пор болит, и, наверное, именно поэтому я не прислоняю её близко к своему телу. Все просто – я боюсь, что торчащие осколки из моей груди заденут её своими острыми краями. За окном снова хлынул дождь, нас накрыло волной свежего воздуха. У меня не было времени удивляться, но Катя ничуть не сопротивлялась самым смелым моим прикосновениям. Я не был чрезвычайно похабен, но решительность моя не знала границ. Без всяких смущений мы продолжали танцевать. Ник вместо танцев все так же аляповато скакал с телефоном на диване.

– Давайте еще выпьем! – едва закончив фразу, он ринулся на кухню.

– Ты мне нравишься, – сказал я Кате.

– Какая у меня фамилия?

– Я не знаю.

– А я знаю твою, – после секундной паузы она назвала мою фамилию, и, что удивительно, абсолютно верно при этом расставив неочевидные знаки ударения.

Я был уверен в том, что мы не встречались раньше, тогда откуда она меня знает? Общие друзья? Уже успела спросить тайком у Ника? Я не был местной знаменитостью, поэтому высказывал объяснение, которое показалось бы мне логичным.

– Откуда?

Вместо ответа Катя, уже гораздо менее галантно прижала пальцы к своему рту и поспешно ретировалась в ванную. Не знаю, стоило ли мне засчитывать эту реакцию на мой вопрос как ответ, времени обдумывать происходящее не было, потому как в комнату вернулся Ник с бутылкой водки, рюмками и солеными огурцами.

– Будем теперь вашу водку допивать.

Я вспомнил, что моя миссия на сегодня была определена ещё неделей раньше: я должен был напиться так, чтобы ничего не помнить, поэтому в ответ на внезапное появление на пьяной арене этого не менее пьяного летнего вечера, я всего лишь широко улыбнулся. Катя всё не возвращалась из ванной, поэтому мы решили сначала выпить за неё, потом ещё раз за нашу крепкую мужскую дружбу, потом за что-то, что было уже достаточно сложно объяснить, а потом вернулась Катя.

Всё, что случилось дальше, нельзя разместить на бумаге. Рёв музыки, влажный гул ввалившихся с улицы промокших наших с Ником друзей, Катя, с мерцающим лицом, то ли заплаканная, то ли только что умывшаяся, постоянная тошнота на фоне танцев на диване, громкие возгласы и дикие беседы, орущие на нас соседи и, кажется, полиция, и вот я уже так мужественно вступаю в беседу, не имеющую никакого смысла, с одним из полицейским, посматривая, видит ли меня в этот момент Катя, но тут меня внезапно накрывает стремительная волна тошноты и я срываюсь прямо на полицейского, меня тошнит ему в ноги и на его свежее начищенных ботинках я узнаю ошмётки малосольных огурцов. Меня кто-то поспешно оттаскивает в туалет, я продолжаю своё гадкое дело, засыпаю прямо там, на полу, через какое-то время вываливаюсь обратно в коридор, но там вдруг пусто, свет выключен и я понимаю, что кругом стало подозрительно тихо. Переставлять ноги смертельно тяжело и вообще не хочется, я слоняюсь по квартире в поисках жизни.

– Ник? Катя? – жалко выкрикиваю я, то и дело спотыкаясь о неудобные углы мебели, пытаюсь нащупать хоть один выключатель, чтобы сделать светлее, но нехорошая квартира хитро прячет их от меня.

Отчаявшись, и наконец осознав, насколько сильно пьян, я устало сваливаюсь на диван, чтобы дальше по спирали скатиться в тяжёлый, как цемент, беспробудный сон.

## Глава 3

С того вечера всё и началось. В голове выстроились не самые логичные цепочки и пуленепробиваемые привычки, которые навсегда изменили ход моей жизни. Во-первых, той ночью я спал так, как не спал уже много лет. Мои проблемы со сном начались, когда мне было лет восемь. На своей подрастающей шкуре я испытал все виды бессонницы, которые только возможны в этой жизни. Мой мозг становился моим врагом каждый день в полночь. Он пытал меня, терзал меня всеми немыслимыми способами, не давая заснуть ни на минуту. И так до утра. Каждый день, что я себя помнил.

Когда-то давно всё началось с обычных детских кошмаров, которые стремительно переросли в панические атаки. Едва выключался в моей комнате свет и всё, что от меня требовалось – просто закрыть глаза и отдаться сну, тут же становилось совершенно невозможным, ведь из-под шкафов вылезали мерзкие влажные пауки размером с мою детскую больную голову, следом драматично обрушивался потолок, между делом проваливался пол и я стремительно летел в моей постели с шестого этажа блочного дома вниз, ниже, чем асфальт, тут же рядом умирала моя мать, которую злостно пожирала мои же домашние тапочки, кто-то другой под боком стонал так, что у меня скручивало желудок, нервный пот катился со лба и застилал выпученные в темноту глаза... Всё это происходило одновременно и каждую ночь. Я не спал, я не мог позволить себе закрыть глаза, я оставался на страже. Часами пялился в темноту, болезненно отслеживая каждый звук, каждое движение занавески, каждый свой слишком громкий вздох, опасаясь, что он может стать последним. Стоило мне закрыть глаза хоть на секунду, словно подчиняясь неведомому дирижёру, начиналось это безумное действие и из слабых детских лёгких вырывался приглушённый вздох. Рассказать родителям о своем недуге я боялся, друзьям – стеснялся. Какое-то время я был уверен, что в мире абсолютно все спят так, как и я. Точнее, не спят.

Я пробовал спать с ночником, с полностью включённым светом, ночью на цыпочках приходил в комнату к родителям и ложился спать на полу перед их кроватью, но мне ничего не помогало. В итоге я ухватывал несколько часов тяжёлого сна с утра, когда уже светало. Удивительно, по своей натуре я был жаворонком, поэтому даже если я и засыпал рано утром, я всегда просыпался в девять утра и ни минутой позже. Конечно же, через какое-то время родители заметили, что я стал дурно выглядеть. Следом стремительно снизилась успеваемость в школе. Родители нервно отвели пару раз к психологу, но я просто молчал. Молчал не назло, а просто потому, что не знал, как обо всем этом нужно правильно рассказывать. Родители меня, наверное, любили, но у них было достаточно своих проблем и развлечений, поэтому они быстро перевели своё внимание на то, что их волновало в этой жизни значительно больше. Сестёр и братьев у меня не было, разбираться со своими проблемами нужно было самому. Другого решения, как просто не спать, не нашлось. Я просто перестал по ночам приходить в спальню к родителям. Они были уверены, что проблема решилась сама по себе. Завтракал перед школой я один, ужинал чаще всего тоже. О том, хорошо ли мне спалось, никто меня никогда не спрашивал.

С годами я становился всё более ранимым, о чем с уверенностью могу сказать только сейчас, спустя почти тридцать лет. Тогда я мало задумывался о своём непросто характере. Со мной было не сложно разговаривать, но мне было удивительно сложно общаться с другими людьми. Это уже сейчас я понимаю, что многому научился от родителей и еще большему не научился. Родители не относились ко мне плохо. Они просто часто забывали, что у них есть я. Одни бабушки и дедушки жили далеко, другие уже умерли. Не зная родительской любви, я

сразу с головой бросился в подростковую. Так и получилось, что вырос я с пониманием того, что все вокруг злые и не выпавшиеся. Разве могло быть как-то по-другому?

С тринадцати я начал экспериментировать со всем, до чего только мог добраться, чтобы починить свой сон – от валерьянки, которая действовала сильнее на дворовых котов, чем на меня, до сбивающего с ног снотворного, которое мне иногда удавалось отыскать в аптечках у своих родителей, в гостях у родственников или друзей. Да, иногда такие таблетки и правда работали, но сон всегда был чутким и крайне неприятным – я не мог понять, сплю я вовсе или нет. Мозг становился слишком заторможенным, чтобы начинать рисовать уже хорошо знакомые мне картины ужасов, но и слишком тяжёлым, чтобы вообще перестать о них думать. Так я и болтался где-то между сном и реальностью ночь за ночью.

Чем старше я становился, тем острее понимал, что в темное время суток я просто зря трачу время. В четырнадцать я начал читать по ночам. Читал, предварительно затыкая грязными футболками щель между полом и дверью, чтобы у родителей не возникло интереса к моей персоне. Чуть позже добавил к моему ночному рациону прослушивание музыки. В пятнадцать начал курить на балконе. Позже – пить. Точнее, именно после того сумбурного вечера, сдобренного тошнотой и чередой сюрреалистичных происшествий, после необъятного тогда для меня количества выпитой водки, я спал так крепко, как не спал еще никогда. Насмерть утомлённый алкоголем, я попал прямиком в сонное царство, где всё было таким тёплым, дружелюбным и нелогичным. Вместо продуманных сюжетов, одни лишь вспышки ярких цветов и смешанных чувств, но в такой непривычной для меня палитре – без страха, без ужаса, без агонии. Моя голова, плотно обмазанная изнутри водкой, отказывалась бояться. Ей было слишком лениво это делать. Медленно разлагающиеся частицы нервных клеток умиротворённо погибали от выпитых стаканов водки, радушно предоставляя мне приятную передышку, короткий отдых и долгожданный сон. Сон, самый настоящий сон. Именно он подарил мне тем утром иллюзию чистого разума и способности мыслить.

И вот я проснулся. В похмельной квартире было страшно тихо. Я перевернул руками свою голову, ощупал ноги, живот, подбородок, тяжело разомкнул ссохшийся рот и сполз с дивана на пол. На мне была вчерашняя одежда, а вот в квартире со вчера никто так и не появился. За окном всё ещё бежал дождь. Больше всего хотелось в тёплую ванную, в чистую одежду и снова провалиться в сон. Хотелось избавиться от запаха тошноты, огурцов и общего ощущения гадкости. Вдруг я вспомнил о Кате. Внезапные разноцветные мысли заставили сердце биться чаще. Мне сразу же захотелось как можно скорее увидеть её единственно правильное лицо и дотронуться до её горизонтальных губ, исполосованных тонкими вертикальными полосочками. Я сразу же перестал думать о том, что мое сердце было разбито. В груди стало тепло и спокойно. К тому же, через секунду я осознал, что прошлой ночью я спал настоящим сном. В голове это никак не укладывалось. Снотворное я не принимал, как же тогда так получилось? Со стола в гостиной на меня покосилась почти пустая бутылка водки. Голова отозвалась гулом. Значит, в этой вот водке действительно есть что-то полезное.

Часы сказали мне, что за окном случился второй час дня, самое время для обеда. Однако вместо обеда я умылся, вылил из себя ненужную жидкость, заправился водой, нашёл чистую футболку Ника. С большим удовольствием стянул с себя грязную рубашку. Созданная мной иллюзия порядка и чистоты, помогла мне почувствовать себя ещё лучше. К этому моменту я уже успел обойти все комнаты и даже балкон, но так никого и не нашёл. Не нашёл я и ключей от квартиры. Начал было искать хотя бы пульт от телевизора, но в двери вдруг что-то зашуршало, и уже через секунду я услышал:

– Есть кто дома?

По зычному голосу я сразу же узнал отца Ника. Я быстро окинул взглядом комнату, бесшумно допрыгнул до пустой бутылки и, не задумываясь, вышвырнул её в открытое окно. Рюмок или грязных тарелок в гостиной я не заметил. Следующий прыжок к коридору, стараясь выглядеть максимально непринуждённо. Я встретился глазами с удивленным хозяином квартиры и из моих, всё ещё суховатых губ, выпало:

– Добрый день.

Я всегда умел нравиться старшим. Абсолютно всем старшим меня людям, кроме моих родителей. Вообще, мои родители всегда вели со мной удивительно странно. Они не умели мне улыбаться. Они не умели мне радоваться. Когда я пытался было заговорить с ними о том, что мне действительно казалось важным, они каждый раз переводили тему разговора совершенно куда-то не туда. Родители редко смотрели мне в глаза. Мне часто казалось, что им стыдно, что я живу с ними в одной квартире. Я был уверен, что им было не очень приятно признавать, что я – их сын. Когда я смотрелся в зеркало, я не замечал в себе ничего ужасного, что сделало бы меня столь нежеланным. Наоборот. Моя редкая улыбка, вполне себе интеллигентный вид, всегда аккуратная форма одежды и тактичное умение поддержать разговор на любую тему – всё это так нравилось родителям всех моих знакомых. Моим же родителям удобнее всего было просто этого не замечать.

– Привет! А Ник где? – спросил у меня его отец.

– Пошел в магазин за хлебом, – ответил я.

– Эх, а я тоже хлеб принес. Ну, ничего. Вы ели? У меня тут с дачи ягоды.

– Картошку ели, очень вкусная.

В двери снова что-то зашуршало, и тут же появилась кучерявая голова мамы Ника. Она резво тряхнула гривой, в руках топорищились лиловые пионы и какие-то пакеты. От них двоих сильно пахло скошенной травой и дождём. Чем пахло от меня, я боялся даже представить.

– Ну, я тогда сейчас в магазин сбегая, скажу, чтобы Ник ещё один хлеб не покупал зря.

– Ну, сходи, сходи. А потом сразу обедать, мы сейчас что-нибудь приготовим. Клубнички дать в дорогу? – активно подключилась мама.

От одной мысли о том, что какая-то там клубничка может оказаться у меня во рту, меня уже чуть не стошнило. Я натужно скривил губы в улыбку и вежливо отказался. Мама Ника, проходя мимо меня в коридоре, энергично потрепала меня по плечу. От этого мне тоже легче не стало, но я держался молодцом. Кинул быстрый взгляд на кухню, вроде бы ничего подозрительного там не валялось. В животе что-то выжидательно булькнуло, я жалобно посмотрел на входную дверь, быстро всунул ноги в ботинки и, сохраняя присущую мне вежливость, попрощался с родителями Ника, радостно понимая, что увижу их совсем не скоро.

Уже в лифте неожиданный прилив тошноты сам по себе спал, и я начал исследовать содержимое брюк. Мелкие деньги на месте. Ключи от квартиры. Бумажка с номером домашнего телефона Кати. Получается, у Ника я оставил только рубашку. Его футболка хоть и была чистой и даже кем-то поглаженной, скорее всего его кудрявой мамой, но она не очень мне подходила. Футболка была слишком яркой, с большим числом надписей и уж больно тесно опоясывала мой уставший живот. Я старался не придавать этому значения и уверенным шагом вышел из лифта.

– Закурить есть? – раздалось откуда-то сбоку.

– Не курю, – соврал я.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.